

С. Н. АМОСОВА
(Москва)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О «ЧУЖИХ» КЛАДБИЩАХ
И «ЧУЖОМ»
ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ
(на материалах экспедиций
2009—2010 гг. в Ивано-Франковскую
и Закарпатскую области Украины)

Аннотация. В статье рассматриваются представления украинцев о еврейском погребальном обряде и кладбищах. Образ этнического соседа имеет стереотипный характер, эти представления обладают большой устойчивостью и сосуществуют с реальными знаниями и воспоминаниями. В описании «чужого» похоронного обряда присутствует амбивалентное отношение к иноэтническим соседям.

Ключевые слова: этнография соседства, обряды жизненного цикла, «чужие» обряды, кладбища, погребальный обряд.

Образ иноэтнического, иноконфессионального соседа или «чужого» народа является неотъемлемой частью представлений о мире. В полиэтнических и поликонфессиональных регионах представления об этническом соседе становятся важнейшей составляющей как бытовой жизни, так и фольклорных текстов. Зачастую этот образ имеет стереотипный характер, эти представления обладают большой устойчивостью и сосуществуют рядом с реальными знаниями и воспоминаниями.

Статья основана на материалах, которые были записаны в экспедициях 2009—2010 гг. в Галицию и Закарпатье (Украина), организованных центром «Сэфер». Участники экспедиции работали примерно в десятке бывших еврейских местечек (Солотвино, Бурштин, Богородчаны, Надворна и др.). Все полевые материалы размещены на интернет-портале «Jewish History in Galicia and Bukovina»¹. Для сравнения будут привлекаться материалы из соседних регионов (Подолии и Бессарабии).

Представления о «чужой» религии и «чужих» обрядах являются частью представлений о мире. Нередко «чужие» календарные обряды и праздники становятся важной составляющей своего народного календаря, включаются в его состав. Время «чужих» праздников является отмеченной, особо значимой точкой в народном календаре — с ними могут быть связаны приметы о перемене погоды, запреты на какие-либо действия и пр. (см. об этом, например, [Белова 2005, 183—184; Амосова 2009]). Еврейские религиозные практики и предметы также могли становиться объектом внимания славян. Известна, например, практика обращения славян к раввину или в синагогу с какими-либо проблемами и просьбами, так как существует представление о том, что еврейская молитва обладает особой силой [Киреева 2007; Амосова, Каспина 2009]. Еврейские религиозные предметы (мезуза, тфилин и др.), по мнению славян, обладают магическими функциями, их можно использовать для лечения больных, от сглаза и пр. [Галкина 2010].

Представления о еврейском погребальном обряде и еврейских кладбищах у славян были подробно рассмотрены в монографиях О. В. Беловой и В. Я. Петрухина, основанных на материалах из Полесья, Подолии, Буковины и Западной Белоруссии. Авторы останавливаются на отношении славянского населения к еврейским кладбищам, похоронной процессии, способу погребения и другим аспектам погребально-поминального обряда [Белова 2005, 144—148; 184—204; Белова, Петрухин 2008, 369—403]. Отдельные моменты, связанные с еврейским похоронным обрядом в восприятии славян, на материалах из Польши рассмотрены в монографии А. Цала [Cała 1995, 92, 109, 127]. Непосредственно некоторым современным представлениям о еврейском погребальном обряде, а именно рассказам о двух последних еврейских похоронах, в Солотвине — одном из бывших еврейских местечек Ивано-Франковской обл. — посвящена статья Э. Иоффе [Иоффе 2010]. О восприятии этническими соседями еврейских кладбищ, а точнее мест расстрела и памятников, установленных жертвам Холокоста, рас-

сказывается в главе книги О. Гольдберг-Мулькевич [Goldberg-Mulkiewicz 2003, 28—34].

«Чужие» обряды жизненного цикла оказываются менее включенными в жизнь этнических соседей, чем календарные обряды, потому что они более закрыты для посторонних глаз. Так, о еврейском родинном обряде рассказывают крайне мало и редко, свадебный обряд тоже нечасто описывается, связанных с ним стереотипных мифологических представлений крайне мало. Однако погребальный обряд является очень важным в описании жизни этнических соседей. Во-первых, он более открыт для посторонних, в частности все наши информанты не раз видели еврейскую похоронную процессию. Во-вторых, кладбища, как и синагоги, — наиболее семантически «нагруженные» объекты, именно вокруг них строятся воспоминания. О похоронном обряде в первую очередь вспоминают исполнители, когда мы просим описать жизнь иноэтнических соседей.

Еврейские кладбища

Еврейские кладбища на этой территории обычно называются «копище», «окопище», «кописка», «жидивский/еврейский цвинтар». Название «копище», «окопище», «кописка» являются однокоренными с глаг. копати (копать, окапывать) [Етимологічний словник 1989, 565]. Вероятно, это название связано с особенностью устройства еврейских кладбищ на этой территории — вокруг кладбища насыпали земляной вал [The Jewish Cemetery].

Еврейские кладбища в бывших местечках на Украине зачастую являются единственным материальным объектом, который напоминает о том, что в этом регионе когда-то жили евреи. Эти кладбища становятся своеобразными «местами памяти» (термин П. Нора) в том регионе, где евреев уже нет. Именно вокруг них строятся воспоминания о прошлом местечка, о еврейской жизни и пр. Степень сохранности еврейских кладбищ на территории Галиции очень разная: от полного разрушения и застройки территории бывшего кладбища до полной сохранности всего кладбища. В большинстве бывших местечек клад-

бища сохранились частично. Разрушение еврейских кладбищ началось еще в годы Второй мировой войны. Так, например, на кладбище в Бурштыне сохранилась женская часть, все остальные надгробия были уничтожены еще во время войны. По воспоминаниям местных жителей фашисты пустили их на замощение дороги, когда отступали: *«Цвинтер — всё было файно. Огороджено. А немцы всё порубили, поскидали. На дорогу забирали. А теперь её нема»* (Зап. от Юлии Ивановны Петрив, 1923 г. р., пгт. Бурштын, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. С. Амосова, К. Данильченко) [APJHGB. IF_010_Bur_011_Petriv]; *«Оно было полностью у памятниках до того сада, вот. Они брали те статуи и на фундамент, так говорили»* (Зап. от Евгении, 1949 г. р. (урожд. г. Коломыя), пгт. Бурштын, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. К. Данильченко, М. Каспина [APJHGB. IF_Bur_010_01_Evgeniya]).

После того как еврейские кладбища оказались без своих хозяев, разрушенными, то на их месте стали строить дома, разводить огороды, пасти скот. В этом регионе распространено представление о том, что места бывших кладбищ опасны для тех, кто построил на этом месте дома и живет в них — их непременно ждет какая-либо кара: *«Мимо церкви и до другой церкви. Подымается выше церкви — начинается военкомат с правой стороны, а с левой начиналось кладбище. Когда я в 70-м году сюда приехал, здесь начиналось... строили домики такие, одноэтажные, ну, и находили плиты <Соб.: На кладбище прямо?» На кладбище прямо еврейском <...> Но что характерно, что вот на этой улице, где эти дома стояли, — по порядку, вот начинается, где было кладбище, — и там так вот в первом доме, там шо — ребенок болен, шо-то с головой у него, ну, психически болен. Во втором доме, тоже, где на кладбище, — там вы увидите, где маленькие дома стоят, — шо на втором, значит, утопился муж, и сын спился, и так всё пошло. На третьем, в третьем домике — там, значит, повесился мужик, работал в администрации, в четвертом доме жили врачи, оба на рак горла умерли, одновременно как-то так попало <...> После того дома — Гриценко де жил — ребенок, ну, моло-*

дой мужчина, ехал на машине — разбил-ся, двое детей спились, дочка и внук, а последний дом — там женщина психически больная была» (Зап. от мужчины 1950-х г. р., г. Тлумач, Ивано-Франковская обл. Соб. Н. Галкина, Э. Иоффе, В. Левин) [АРЈНГВ. ІF_Tlumach_09_02_o_kladbische]. Существовал запрет брать что-либо на еврейском кладбище, есть что-либо там: «Там грушка посередине росла, ходили за тими грушками. <Соб.: А можно было собирать на цвинтаре?» Батьки сварилися, сварилися: чё вы едите за цвинтаре? <...> Потому что на цвинтаре не можно. Так батьки рассуждали, и на цвинтаре ничего не можно ести» (Зап. от Оксаны Юрьевны Хомяк, 1936 г. р., пгт. Бурштын, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. К. Данильченко, М. Каспина) [АРЈНГВ. ІF_Bur_010_03_Khomyak].

Такое представление распространено не только в Галиции, но и в польском Подлясье [Белова, Перухин 2008, 384], в Молдавии. Например, в г. Бельцы мы записали рассказ о том, что на месте старого еврейского кладбища был построен торговый центр, но прибыли никакой владельцам он не принесит, большинство помещений пустует (Зап. от Инны, 1965 г. р., г. Бельцы, Молдавия. Соб. О. В. Белова) [АЦБИ. BeI_011_00_Inna]. Здесь мы видим мотив наказания за разрушение кладбища или другого сакрального места, характерный не только для «чужих» объектов.

Описывая, как выглядели еврейские кладбища до войны, старожилы отмечают, что кладбище всегда было огорожено. Важной фигурой является кладбищенский сторож; наряду с раввином и шойхетом этот человек оказывается особенной фигурой среди иноэтнических соседей, выделяющийся именно своей профессией. Часто помнят имя сторожа, его внешний вид, описывают его дом, который обычно стоял или на самом кладбище, или рядом с ним. В Галиции сторожами на еврейских кладбищах в большинстве случаев были евреи (в отличие, например, от Буковины, где до сих пор существуют династии украинских сторожей — в Хотине и Новоселице): «<Соб.: А могилы кто копал?» Там жил Мошко, жинку, они там хату мали, там у цвинтару, всё было файно, огрождено, теперь всё порубили, поскидывали <...> Вин

там жил, диты у него, жинка, там у него всё позапёрано, так чтобы никто не пришел туда. <...> Там цветочки такие, они пахли, а диты туда лезли, Мошко не пускал, не, не можно никому» (Зап. от Юлии Ивановны Петрив, 1923 г. р., пгт. Бурштын, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. С. Амосова, К. Данильченко) [АРЈНГВ. ІF_010_Bur_011_Petriv]; «Там гробарь был, була хата, вин там жил, мал кози. Вин ходил за тим цвинтаром. Тут хата была напереди, всё было добре. <...> Вин был еврей» (Зап. от Ганны Махайловны Стек, 1932 г. р., пгт. Бурштын, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. С. Амосова, К. Данильченко) [АРЈНГВ. ІF_010_Bur_012_Stek]. В местечке Лысец (Галиция) сторож был украинцем: «Инф. 1: Там был специальный еврейский гробарь, что закапывал. Инф. 2: То был украинец. Гробарь, который закопывал, украинец, был украинец. Инф. 1.: Он там жил. <Соб.: Пряма на кладбище?» Не, не, там спереду, где клали того жидда, того покойника <...> Мал такой домик маленький, и вин там жил, жил. Инф. 2: Фамилия его была Кушик. Кушик. <...> У него была там жинка, вони там жили. Инф. 1: Вони там жили, готовили себе там, и заодно закопывал тех, ему там платили <...> Вин был и сторож, за порядком <следил> и закопывал» (Зап. от Заряна Шпиляревича (урож. д. Крихивцы) (инф. 1) и Людвиг Шпиляревича, 1929 г. р. (инф. 2), пгт. Лысец, Тисменицкий р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. С. Амосова) [АРЈНГВ. ІF_Lys_02_Shpilyarevich].

Украинцы часто отмечают, что на еврейских кладбищах были особенные могилы, выглядевшие иначе, чем другие: над могилой поставлен «домик» или надгробие больше, чем обычное. Это, по сведениям информантов, почитаемые могилы раввинов. Описывая еврейскую похоронную процессию в г. Бурштыне, украинцы указывают, что первым делом она подходила к почитаемой могиле, а затем уже все шло на место нового захоронения. На территории Галиции, в частности в г. Бурштын, нам удалось зафиксировать воспоминания о некогда распространенной практике обращения неевреев к еврейским цадикам и хождения на еврейское кладбище к «чудотворным» могилам: «А то на середине <кладбища> зара був

рабин, я всё шла и говорила: “Рабин, рабин, дай мне здоровья!” <...> А рабины такие поважные были, как ксендзы, их уважали люди, великий, великий був рабин. А даже когда паркана не было, то я шла в том конце, я всё равно: “Рабин, рабин, дай мени здоровья”» (Зап. от Марии Тодоровны Гладий, 1922 г. р., пгт. Бурштын, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. С. Амосова, К. Данильченко) [АРЈНГВ. ІF_010_Bur_09_Glady]. Вообще, практика обращения к почитаемым еврейским могилам у славян в этом регионе была очень распространена (см. об этом: [Киреева 2007]).

В 1990—2000-е гг. еврейские общины привели в порядок оставшиеся кладбища, поставили ограды вокруг них, восстановили некоторые памятники; на эти кладбища, особенно на почитаемые могилы раввинов, стали приезжать паломники-хасиды и туристы из Израиля, Европы и Америки. Зачастую еврейские кладбища из заброшенных разрушающихся мест превратились в главный туристический объект в местечках Галиции и Закарпатья. Но при этом в качестве старых еврейских кладбищ или школ, синагог в Галиции нам часто показывали польские кладбища, школы и дома. Поляки на территории Галиции исчезли сразу после окончания Второй мировой войны: они переехали в Польшу, когда Галиция вошла в состав Украинской ССР. Таким образом, еврейские и польские кладбища были заброшены и стали восприниматься как что-то «чужое», как часть ушедшего довоенного прошлого, о котором уже почти никто не помнит, и в этом смысле обладающие одним и тем же статусом.

Еврейские могилы

Что касается устройства могил и надгробий, то здесь украинцы отмечают, что еврейские памятники были совершенно другого типа, чем надгробия на украинских и польских кладбищах. Еврейское надгробие получает название «болван» или «мур» (укр. стена, ограда). Главное отличие заключается в том, что евреи не ставили креста над могилой: «...там были у них не кресты, а такие мурь, мурь. <...> Нет, кресты не клали, мурь такие, такой толстой, и там такой...» (Зап. от Анны, 1940 г. р., с. Ирша-

ва, Закарпатская обл. Соб. С. Амосова) [АРЈНГВ. Zak_010_Irshava_01_Anna]; «Крестов вони не робили, просто такие болваны робили» (Зап. от Юлии Ивановны Петрив, 1923 г. р., пгт. Бурштын, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. С. Амосова, К. Данильченко) [АРЈНГВ. ІF_010_Bur_011_Petriv].

Говоря о надписях, сделанных на надгробиях, наши информанты отмечали, что на этих памятниках написано по-еврейски (реже говорили, что по-польски), но это не тот язык, на котором говорили евреи до войны, это древнееврейский язык, а буквы похожи на китайские, а написаны там имя, фамилия и «немножко биографии» или молитва: «Вы читали на тех болванах? Это болваны называют. У нас хрест на цвинтаре, у них называют болваны, просто болванка стоить, може, кто и не так называет по-религиозному. Вы читали, что там написано? <...> Но то такие староеврейские, иначе як вам розьяснить, вот те евреи, которые здесь жили в Буриштине, чи в Рогатине, чи в Галиче, где бы они ни жили, они были уже мисцевы, знаете, такие, мали уже теперешнюю свою религию и письмо. А це ше е обрейски таки буквы, как китайский, у них же не буквы стоят, а такие намалявал четыре палочки, и уже слово “лис”. <...> На тех болванах тоже не каждый еврей прочитает, что там е. По-староеврейскому там» (Зап. от Михайло Нестеровича Стека, 1931 г. р. (урожд. с. Насташинно), пгт. Бурштын, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. С. Амосова, К. Данильченко) [АРЈНГВ. ІF_010_Bur_012_Stek]; «Ничего. Только пишут, я просил одного еврея, чтобы мне он перевёл. Он говорил, здесь написано его немножко биографии» (Зап. от Михаила, 1952 г. р., с. Свалява, Закарпатская обл. Соб. С. Амосова, В. Левин) [АРЈНГВ. Zak_10_Svalyava_01_Muhail].

Украинцы отмечают и такую особенность старых еврейских памятников, как различные изображения на них, чаще всего это звезды, руки (пальцы), птички, львы: «Клали, клали, кладут такие, у нас робят крест, а у них крест был просто с плиты, плита мраморная если богатый, на плите были два голубя и его фамилия писалась — Фридман, Кноль, таких я не... Ещё Йосиф был, я знаю что Ёшка его звали, Абрамко, такие фамилии были написаны на... Были пта-

хи, у нас крест, Иисус Христос, а у них птахи были, пташки были намалёваны, такие, выбиты на таком майморе. А я казал: "Почему коня не намалюете?" — "Коня не, кинь тижско робит, жид не хочет так робить". Разумиешь меня?» (Зап. Зиновия Гаврилко, 1923 г. р., с. Богородчаны, Ивано-Франковская обл. Соб. Я. Жестяникова, Е. Лазарева) [АРЈНГВ. IF_Vog_09_014_Gavrilkо]; «У них ни крестов, ничего, только плиты такие. Плиты. <Соб.: Что-нибудь пишется? Рисуется?» Обязательно. Фамилия всё. Какое-то пожелание от семьи. У них такая плита ставится и всё. <...> Только надпись, ихняя звезда, надпись, есть руки» (Зап. от Юрия, 1978 г. р., с. Великие Комяты, Виноградковский р-н, Закарпатская обл. Соб. С. Амосова) [АРЈНГВ. Zak_10_Veliky_Kom'yata_01_Yury]. Украинцы осмыслиют, почему появляются те или иные изображения на надгробиях, так, шестиконечная звезда называется еврейским гербом: «Герб писали свой еврейский. Герб — шестикутный еврейский герб. Зирка шестикутна <Соб.: А почему зирка?» Через то, что казали, что на свете е шесть частей света» (Зап. от Степана Демьяновича Максимова, 1925 г. р., с. Чернелица, Городенковский р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. С. Амосова, К. Данильченко) [АРЈНГВ. IF_010_Cherniliza_02_Maximov]. Изображения различных животных означают гербы этих людей: «<Соб.: Что там на камнях нарисовано?» Молитви їх, молитви їх. Вони мали свою, ну як то сказати, такі герби. Той — лев. А то ще були такі, ну як вам сказати. <...> Та мала свой герб, та мала свой герб і вони на тім викоб... І яку молитву ще, то до тої молитви там звір. Там лев був, а там ще шось. То були такі різні. Але переважно лев» (Зап. от Евгении Петровны Свидрук, 1925 г. р., г. Надворна, Ивано-Франковская обл. Соб. О. В. Белова, Т. Величко, А. Леонов) [АРЈНГВ. IF_Nad_09_012_Svidruk]; а птичка якобы означает детскую могилу: «там е шестигранная зирка, е так пальцы, то е резник (?), на детей ставили такие пташки» (Зап. от Людвиг Шпиляревича, 1929 г. р., пгт. Лысец, Тисменицкий р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. С. Амосова) [АРЈНГВ. IF_Lys_02_Shpilyarevich].

Похоронный обряд

Что касается самого похоронного обряда, то он довольно подробно описывается иноэтническими соседями евреев. Большая часть элементов этого обряда оказывается известна украинцам, очень часто они описывают его, сравнивая со своим погребальным обрядом, подчеркивая различия в них. Так, например, странным кажется еврейский обычай хоронить покойника в тот же день, когда он умер (по украинской традиции умершего хоронят на третий день после смерти, всё это время гроб с покойным должен находиться в доме). «Инф. 1: Отличаются совсем похороны. Они ставят, як умрёт, на сено в куток покойника. Так. Инф. 2: У них не так, как у нас: три дня в комнате или где. У них умер, и всё. Инф. 1: Если рано, даже чем быстрее, тем лучше» (Зап. от Василины Юрьевны (Инф.1) и Миколы Васильевича (Инф. 2), прим. 1950-х г. р, с. Ясиня, Раховский р-н, Закарпатская обл. Соб. С. Амосова) [АРЈНГВ. Zak_010_Yasenya_01_Vasilina_Yur'evna_Mikola_Vasil'evich]. Такие «быстрые» похороны (часто украинцы описывают как «бегом») воспринимаются негативно, как «не вполне человеческие»: без соблюдения большого числа ритуальных действий. Такая оценка похорон соотносится с оценкой еврея как не совсем человека, «нечистой силы» [Белова 2005]. Интересно, что и сами евреи оценивают обычай хоронить в тот же день скорее негативно: «Инф. 2.: У евреев нужно похоронить в тот же день, что он умер, я считаю, что это неправильно, может быть и клиническая смерть. Вот этот пункт мне очень не нравится: у человека может быть и клиническая смерть. Всё может быть. Всё-таки в этом отношении мне кажется, что христианская религия более справедливая, что человека на третий день. Инф. 1: У меня когда папа умер, его похоронили, так я много-много лет думала, что его живого похоронили» (Зап. от Раисы Шаевны Альтикес, 1922 г. р. (урож. г. Хотин) (Инф. 1) и Беллы Иосифовны Зеньковой (Альтикес), 1947 г. р. (Инф. 2), г. Черновцы. Соб. С. Амосова, С. Николаева) [АЦБИ. Chern_oct_09_22_Altikes].

Кроме быстрых похорон украинцы отмечают, что евреев хоронили в обычной одежде, а тело заматывали в специальное белое полотно: *«Там совсем другой обряд. Там если еврей умирает, то его закатывают в простынь, не знаю сколько метров, говорят, шестнадцать или восемнадцать метров, полностью закатывают»* (Зап. от Михаила, 1952 г. р., с. Свалява, Закарпатская обл. Соб. С. Амосова, В. Левин) [АРЈНГВ. Zak_10_Svalyava_01_Myhail]. Мотивировка имеет библейские коннотации: именно так похоронили Иисуса Христа, то есть использование длинных простыней — это древнееврейский обычай, который сохранился до наших дней: *«Простынь, все завивали в простынь. Мыли, как обычно, и завивали, у них простыни были такие длинные: метр вот так и в длину 5—6 метров, такими простынями они завивали и так они. <Соб.: А почему без гроба они?> Ну, как считается, что Иисуса тоже хоронили не в гробу, а завивали в плащаницу, эта еврейская традиция с этих веков осталось ещё»* (Зап. от Юрия, 1978 г. р., с. Великие Комяты, Виноградковский р-н, Закарпатская обл. Соб. С. Амосова) [АРЈНГВ. Zak_10_Veliky_Kom'yata_01_Yury]; *«Так обматывали в полотно, в било полотно, як Иисуса Христа, обмотали его...»* (Зап. от Зиновия Гаврилко, 1923 г. р., с. Богородчаны, Ивано-Франковская обл. Соб. Я. Жестянникова, Е. Лазарева) [АРЈНГВ. IF_Vog_09_014_Gavrilko].

Интересно в этой связи народное объяснение обычая хоронить без гроба: *«У нас ховают в труне, в гробе так, а его опускают лицом до земли, опускают его на инурках и там как поставят его — всё, глиной они, глиной покрывают, труну не робят, ничего. Я везу еврея на подводе, тогда машины не было: “Скажите мне, почему у вас така мода?”. А он мне сказал: “Як буде свит, Иисус Христос приде, когда свит воскресати, то жид встане перший”. То мне жиды рассказывали»* (Зап. от Зиновия Гаврилко, 1923 г. р., с. Богородчаны, Ивано-Франковская обл. Соб. Я. Жестянникова, Е. Лазарева) [АРЈНГВ. IF_Vog_09_014_Gavrilko]. Это объяснение согласуется с еврейскими представлениями о смерти и ожидании Мессии, которые были очень распространены. Например, евреи кла-

ли в могилу специальные палочки, так как считалось, что с помощью их будет легче встать, когда придет Мессия (см. подробнее: [Каспина 2011, 88]).

Если всё же хоронят в гробу, то он отличается от славянского. Гроб может описываться как простой деревянный ящик, как некое сооружение в могиле, т. е. яму обкладывают досками и сверху тело закрывают досками: *«Видел. У них е одна носилка, двое берут и несут. Там яма выкопана и вокруг досками обито всё это. Обложено, так обложили, верхом перекрыли досками, вот так»* (Зап. от Карла Карловича Лева, 1934 г. р., г. Хуст, Закарпатская обл. Соб. С. Амосова) [АРЈНГВ. Zak_010_Hust_01_Levy_01_02]; *«Гроб без гвоздя: низ, ну, бока и верх. Прямо так зарезано, когда положат в яму и крышку так»* (Зап. от Михаила, 1952 г. р., с. Свалява, Закарпатская обл. Соб. С. Амосова, В. Левин) [АРЈНГВ. Zak_10_Svalyava_01_Myhail].

Наиболее широко распространенным стереотипным представлением является то, что евреи хоронят сидя или лицом вниз: *«Я чула як! Что их сидячи. И там их сидячи. Не так, как нас ложат»* (Зап. от Ольги Ивановны, 1940 г. р., пгт. Бурштын, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. К. Данильченко, М. Каспина) [АРЈНГВ. IF_Bur_010_02_Olga_Ivanovna]; *«...йих не клалы так, йих клали у труни лицем униз»* (Зап. от Стефании Степанивны Вольнской, 1923 г. р., г. Надворна, Ивано-Франковская обл. Соб. Э. Иоффе, Е. Кушнир) [АРЈНГВ. IF_Nad_09_013_Volinskaya]. При этом украинцы подчеркивают, что могила была ориентирована на восток: *«То так як гріб був викопаний, то так, знаєте, аби лицем до сходу сонцю. І так його, як він був завітний, то так ноги рівно, то в ту нішу його клали. І так він і засипали. <Соб.: Так он там лежал?> Нет, сидячи, сидячі. то так ноги рівно, а він так... Там робили такій, знаєте, шоб він там не падав, такі углибленні робив, і там його тудя» ...»* (Зап. от Евгении Петровны Свидрук, 1925 г. р., г. Надворна, Ивано-Франковская обл. Соб. О. В. Белова, Т. Величко, А. Леонов) [АРЈНГВ. IF_Nad_09_012_Svidruk]; *«Як ховали их, по-моему, сидя, сидя і, по-моему, я забул, сколько мне было рокив, рокив двенадцать, я помятаю до сонця,*

у цю сторону клали его у білом — чи то халат був, чи покривало» (Зап. от Федора Степановича Нарытника, 1929 г. р., пгт. Бурштын, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл.) [АРЈНГВ. ІF_010_Bur_010_Narytnik]. Объяснение обычая хоронить лицом на восток также входит в круг представлений, связанных с концом света и приходом Мессии, причем информанты подчеркивают, что лицом на восток хоронят и украинцев по той же причине: «До сходу сонця тому, що усі надіються, що як буде кінець світа, що Ісус Христос буде йти зі сходу сонця покалеться людям, так що ті, що лежали в гробі. Так і у нас ховають до сходу сонця лицем було» (Зап. от Евгении Петровны Свидрук, 1925 г. р., г. Надворна, Ивано-Франковская обл. Соб. О. В. Белова, Т. Величко, А. Леонов) [АРЈНГВ. ІF_Nad_09_012_Svidruk]. Интересно, что люди, которые уже во взрослом возрасте бывали на еврейских похоронах, начиная их описание, говорят, что похороны сидя — это неправда, причем начинают об этом говорить даже без специальных вопросов собирателей: «Говорили, что сидя, это неправда, лёжа»; «неправда, что хоронят сидя» (Зап. от Людвиг Шпиляревича, 1929 г. р., пгт. Лысец, Тисменицкий р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. С. Амосова) [АРЈНГВ. ІF_Lys_02_Shpilyarevich]. Это показывает, насколько данный стереотип устойчив и хорошо известен.

Среди галицийских украинских описаний еврейских похорон зафиксирован и обычай закрывать глаза умершего черепками. Эта важная и широко распространенная еврейская практика. В еврейской традиции существует несколько объяснений этого обрядового действия [Каспина 2011, 85—87]. Славянские интерпретации обычая сводятся к одной версии — чтобы умерший перестал видеть: «И берут два горшке, и ему кладут горшок на (показывает лицо. — С. А.), и его опускают лицом до земли <...> <Соб.: А почему горшок на лицо кладут?> Потому что он ещё чуе» (Зап. от Зиновия Гаврилко, 1923 г. р., с. Богородчаны, Ивано-Франковская обл. Соб. Я. Жестянникова, Е. Лазарева) [АРЈНГВ. ІF_Bog_09_014_Gavrilkо]; «...били горщик, и на очи клали ци черепки. <Соб.: А зачем это делали?> Шоб

вин не видеє, я знаю... То давна їх традиция, я не знаю... Не можу вам сказати. Там таки глиняни горшчички були, то вони тих глиняних горшчички били, и черепки давали» (Зап. от Евгении Петровны Свидрук, 1925 г. р., г. Надворна, Ивано-Франковская обл. Соб. О. В. Белова, Т. Величко, А. Леонов) [АРЈНГВ. ІF_Nad_09_012_Svidruk]. Такая мотивировка обрядового действия есть и у евреев, но она ближе к славянским представлениям о временной слепоте и зрении покойника [Толстой 1995]; возможно, именно поэтому украинцы предпочитают именно эту интерпретацию.

Еще один интересный обычай, связанный с разбиванием посуды на еврейских похоронах, был зафиксирован в Закарпатье: «И когда его хоронят, то бьют тарелку на кусочки, и ставят в мешок, и ставят ему под голову, я то видел. Когда в еврейском кладбище били, били тарелку, и в мешок и под голову. <Соб.: Осколки тарелки под голову?> Да-да-да, в мешок и под голову» (Зап. от Михаила, 1952 г. р., с. Свалява, Закарпатская обл. Соб. С. Амосова, В. Левин) [АРЈНГВ. Zak_10_Svalyava_01_Myhail]. В известных нам описаниях еврейских похорон такой обычай не зафиксирован, ранее мы не встречались ни с его описанием, ни интерпретацией у славян. Возможно, это какое-то локальное обрядовое действие. Но вообще, разбивание посуды в погребальном обряде было, например, характерно для славян [Толстая 2004, 136]; можно предположить, что оно было заимствовано евреями или же эти действия имеют типологическое сходство.

Описывая похоронную процессию, часто отмечают, что покойника несли четыре человека на специальных носилках, умершего закрывали черным покрывалом. Многие информанты из Бурштына, кроме того, говорят, что похоронную процессию сопровождали бедные евреи, которые собирали подающие: «Я бачила, як похорон проходив, але вони всьо скоро, скоро так робили, щоб ніхто того не бачив. Ті люди, приміром, як... вже похорон ішов, то вони брали, на їх чотирьох несли, накривали чорним цим, і несли аж на ...кописка... на цвинтар цей. <...> Але всьо щось кричали, щось говори-

ли, щось... не співали, так як у нас співвають. А щось кричали, і... а хто-то, то ніхто не розуміє, бо єврейської мови у нас ніхто не розумів. Це дуже рідко хто міг з євреєм... ото брат мій тільки міг навчитися, але він також помер, нема вже його... він навчився по єврейські і говорив. <...> От так що похорон в них відбувався дуже сильно, що всі приходили, активну участь брали в ньому. А з тими грішми і до тих копілок скидали копійки, гроші, то були польські гроші» (Зап. от Иванны Ивановны Шанц, 1920 г. р., пгт. Бурштын, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. С. Амосова, К. Данильченко, Е. Лазарева) [APJHGB. IF_Bug_010_014_Shantz_a].

Важный момент в описании движения похоронной процессии — это то, что она не шла медленно, как у украинцев, а очень быстро двигалась: «И шли, брали четверо на тых носилках, как бы то деревьяни, таки ручки були, четверо їх брали и швидко биглы! Як могли швидко — так вони биглы. А за ними биглы чотыри-пять плачок. Котри богатийши, тот бильше нанимав, а котори бидный — одну-дві. И то так биглы тудя» (Зап. от Евгении Петровны Свидрук, 1925 г. р., г. Надворна, Ивано-Франковская обл. Соб. О. В. Белова, Т. Величко) [APJHGB. IF_Nad_09_04_Svidruk].

Широко распространено представление об опасности колокольного звона во время еврейских похорон для евреев; такой сюжет был зафиксирован в Подолии, Польше [Белова 2005, 150], он встретился и в Галиции. Если в то время, когда несут покойника, зазвонят колокола, то евреи останавливались и пережидали, а то и бросали тело умершего и разбегались. После окончания колокольного звона процессия продолжалась: «Я сама видела, як несут его на цвин..., а кладбище было на другой улице, куча за ним євреев идуть, и як шо за-звонит звон, они кляли, они идуть, а тут хлопцы были, и мы раз: дзин-дзилинь, дзин-дзилинь, хоп — они поставили, звонит — они не идуть, перестал звенеть — они — хоп, и понесли на кладбище» (Зап. от Зиновия Гаврилко, 1923 г. р., с. Богородчаны, Ивано-Франковская обл. Соб. Я. Жестянникова, Е. Лазарева) [APJHGB. IF_Bog_09_014_Gavrilko]. Такое представление о страхе перед ко-

локольным звоном соответствует славянским поверьям о демонологических персонажах.

Интересно, что этот сюжет есть и в еврейском фольклоре, нам удалось записать его в г. Хотин (Бессарабия), но с некоторыми другими коннотациями: «А была тут. История... Я знаю сколько — двести лет тому назад или триста... Ну, несли одного нашего рабина, и... ну, хотели тут стать, потому что тут си-нагога большая ж была. А напротив была церковь. Маленькая. Ну, и он начал это... звонить в колокола. Он поднялся, мёртвый. Ну, это или правда, или неправда — бабушка рассказывала. Или правда это, или нет, но рассказывала, всё время рассказывала эту байку, шо он поднялся и сказал этим всем: “Всё, больше он не будет звонить!” И нагнулся сразу... хрест, нагнулся — и всё. И он положился назад, сказал: “Несите меня, куда вы меня несёте”. И на второй день уже хрест бу... нагнувшись. И всё. И церкву вже... эту церкву вже закрыли, потому что хрест нагнулся — всё. Вот это бабушка рассказывала» (Зап. от Златы Ушеровны Медник, 1932 г. р., г. Хотин. Соб. М. Каспина) [АЦБИ. Notin_05_Mednik]. Сходный сюжет был записан в Люблине (Польша), где во время похорон цадика зазвонили колокола монастыря, цадик поднялся на носилках и стал читать молитвы, тогда гора, на которой стоял монастырь, стала проваливаться и звон прекратился [Белова 2005, 150–151]. То есть фольклорный сюжет о запрете на колокольный звон во время еврейских похорон есть у двух конфессиональных групп. Однако в еврейскую легенду добавляется мотив о наказании христиан, которые мешают похоронной процессии.

Встретилось нам упоминание о символических похоронах, якобы существовавших в еврейской традиции: «Например, если еврей, были такие случаи, что выходили, женились с украинцами, то есть крестились, то этот еврей для них умер. Всё. Все похороны проводили, всё. Его фотографию хоронили все, и он больше для них не существовал» (Зап. от Юрия, 1978 г. р., с. Великие Комяты, Виноградский р-н, Закарпатская обл. Соб. С. Амосова) [APJHGB. Zak_10_Veliky_Kom'yata_01_Yury]. Данное свидетельство интересно тем, что сами

евреи уже не помнят такой практики символических похорон, но в некоторых литературных произведениях описываются подобные вещи. Когда, например, ребенок крестился, то родители устраивали такие символические похороны, переставали общаться с ним. Такой случай описан, например, в рассказе Шолом-Алейхема «Выигрышный билет»².

Поминальный обряд

В еврейской традиции семь дней после похорон называются «шиве», в эти дни семья умершего должна сидеть на полу и молиться. Интересно, что этот домашний ритуал тоже известен иноэтническим соседям, но все-таки это не общее знание, о котором рассказывают все информанты: «*А пизле того сын сидел коло кровати и спал в покуту за свою маму. <Соб.: Скільки он сидел?> Тиждень он сидел*» (Зап. от Степана Демьяновича Максимова, 1925 г. р., с. Чернелица, Городенковский р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. С. Амосова, К. Данильченко) [APJHGB. IF_010_Chernilitza_02_Maximov].

О специальных поминальных днях календаря у евреев наши информанты не знают, точнее, им известно, что евреи ходили на кладбище, но когда именно, никто не вспомнил: «*Ну, то було, було. Булы таке дни, то я вам розскажую, шо булы таке дни, шо воны вси ходыли, шо молилися, шо плакали, шо так ходыли, ходыли воны вси, ходыли молитися ...*» (Зап. от Евгении Николаевны Годованец, 1930 г. р., п. Солотвин, Богородчанский р-н, Ивано-Франковская обл. Соб. О. Гушева, К. Широких) [APJHGB. IF_Sol_09_012_Godovanec]. Отмечая правила посещения евреями кладбища, украинцы обращают внимание, что мужчины всегда ходили туда с покрытой головой: «*Мужчины шапочку на голову надевають*» (Зап. от Василины Юрьевны и Миколы Васильевича, 1950-х г. р., с. Ясиня, Раховский р-н, Закарпатская обл. Соб. С. Амосова) [APJHGB. Zak_010_Yaseny_01_Vasilina_Yur'evna_Mikola_Vasil'evich].

Некоторым людям запрещается посещать кладбище. Во-первых, это ко-

зны³. Упоминание этого запрета нам встретилось всего один раз. Наш информант не знал термина «коэн», но при этом описал, что изображено на могилах родственников тех людей, на которых распространяется этот запрет (изображение благословляющего жеста руками): «*Там просто е такие (показывает руки. — С. А.). Там есть двояки. Там не разрешается ходить на кладбище. Евреям. Не всем. Одни приходили из Израйля и стояли на улице, да*» (Зап. от от Карла Карловича Левая, 1934 г. р., г. Хуст, Закарпатская обл. Соб. С. Амосова) [APJHGB. Zak_010_Hust_01_Leviy_01_02]. Женщинам тоже раньше было запрещено ходить на кладбище, причем это распространялось и на момент похорон: они доходили лишь до забора и оставались за ним, на кладбище шли лишь мужчины: «*Женщины ходят, запрещали, тепер уже ходят. Тепер кладбище на Замковой*» (Зап. от от Карла Карловича Левая, 1934 г. р., г. Хуст, Закарпатская обл. Соб. С. Амосова) [APJHGB. Zak_010_Hust_01_Leviy_01_02]; «*А жінки вже йшли, як мушчина, то жінки йшли сзаді, і до воріт. Під ворітами плакали, якщо чоловік умер, або дитина, або що. То жінки, мами, дочки, то вже під брамою поплачуть і підуть. А мушчини йшли там закопувать*» (Зап. от Евгении Петровны Свидрук, 1925 г. р., г. Надворна, Ивано-Франковская обл. Соб. О. В. Белова, Т. Величко, А. Леонов) [APJHGB. IF_Nad_09_012_Svidruk].

Таким образом, «чужие» похоронно-поминальные традиции достаточно подробно запечатлены в памяти украинского населения. Многие элементы обрядности описываются и интерпретируются этническими соседями, часто пожилые украинские информанты знают еврейскую традицию даже лучше, чем молодые евреи (например, о том, что нужно класть черепки на глаза, об особой конструкции гроба и пр.). Известны некоторые запреты и предписания похоронно-поминального обряда (запрет кознам ходить на кладбище и др.).

³ Коэны — по иудейским представлениям потомки священнослужителей в Иерусалимском храме, данный статус передается по наследству от отца к сыну. Кознам предписывается соблюдение определенных запретов и предписаний, в частности запрета посещать кладбище.

² Автор выражает благодарность В. А. Дымшицу, указавшему на этот факт.

Зачастую многие славянские интерпретации «чужого» обряда совпадают с еврейскими, это скорее всего свидетельство большой интегрированности в жизнь соседей. С другой стороны, существует множество разнообразных стереотипных представлений о еврейских похоронах, таких, как положение покойника сидя или лицом вниз. При чем чем моложе информант, тем больше он опирается именно на существующие стереотипы. Несколько раз мы записывали интервью от разных поколений в одной семье, где старшие подробно описывают еврейские похороны с гробом и лежа, а младшие спорили с ними, утверждая, что евреев хоронили сидя (Зап. от Юстинии Степановны Гринишак, 1916 г. р., и ее зятя Надворна, Ивано-Франковская обл. Соб. С. Амосова, С. Николаева) [APJHGB. IF_Nad_09_024_Grinishak]. Подчеркивая различия своего и «чужого» обрядов, часто наши украинские информанты показывают неправильность действий соседей, считают, что это были не совсем человеческие похороны (быстрые, без гроба и пр.). Боязнь колокольного звона и отсутствие креста над могилой также свидетельствуют об этом статусе. В целом в описаниях «чужого» похоронного обряда можно увидеть амбивалентное отношение к иноэтническим соседям, которое характерно и для других аспектов жизни.

Литература

- Амосова 2009 — *Амосова С. Н.* «Гаман и Евдоха погоду крутят»: к интерпретации одного фольклорного сюжета // История — миф — фольклор в еврейской и славянской культурной традиции. М., 2009. С. 359—369.
- Амосова, Каспина 2009 — *Амосова С. Н., Каспина М. М.* Парадокс межэтнических контактов: практика обращения неевреев в синагогу (по полевым материалам) // Антропологический форум. 2009. № 11. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011online/11_online_04_kaspina-amosova.pdf
- Белова 2005 — *Белова О. В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
- Белова, Петрухин 2008 — *Белова О. В., Петрухин В. Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М.; Иерусалим, 2008.
- Галкина 2010 — *Галкина Н.* «Приказанье»: пример заимствования оберега в ситуации этноконфессионального соседства //

Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2010. С. 322—326.

Иоффе 2010 — *Иоффе Э.* Еврейские похороны в XX веке: два примера из рассказов жителей Ивано-Франковской области // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2010. С. 337—346.

Каспина 2011 — *Каспина М. М.* Представления о смерти у евреев Подолии и Бессарабии (по полевым материалам 2004—2010 гг.) // Традиционная культура. 2011. № 4. С. 80—90.

Киреева 2007 — *Киреева Н.* Обращение к «чужому» праведнику в магических целях (на материале паломничества нееврейского населения к могилам праведников на Буковине) // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2007. С. 137—144.

Толстая 2004 — *Толстая С. М.* Ломать // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под. общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3: К—П. М., 2004. С. 134—137.

Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Глаза и зрение покойников // Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 185—205.

Етимологічний словник 1989 — *Етимологічний словник української мови: в 7 т. / редкол. О. С. Мельничук та ін. Т. 3: Кора — М.* Киев, 1989.

Cała 1995 — *Cała A.* The image of the Jew in Polish folk culture. Jerusalem, 1995.

Goldberg-Mulkiewicz 2003 — *Goldberg-Mulkiewicz O.* Stara i nowa ojczyzna: Ślady kultury Żydów polskich. Łódź, 2003.

The Jewish Cemetery — The Jewish Cemetery in Rozhniatov // Jewish History in Galicia and Bukovina. URL: <http://www.jewishgalicia.net/Gallery/Cemetery%20in%20Rozhniatov.aspx>

Сокращения

APJHGB — Archive of the Project «Jewish History in Galicia and Bukovina». URL: <http://www.jewishgalicia.net>

АЦБИ — Архив центра библеистики и иудаики РГГУ (г. Москва).

Summary: *The article deals with the Ukrainians' views to Jewish burial ritual and cemeteries. The image of the ethnic neighbor has a stereotypical character, these ideas have great stability and coexist with the real knowledge and memories. The description of an "alien" funeral rites presents ambivalent attitude to ethnic neighbors.*

Key words: *Ethnography of neighborhood, rites of passage, customs of "aliens", cemeteries, funeral rites.*